

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

РУССКИЙ ЯЗЫК НА УКРАИНЕ — РОДНОЙ!

Удивительно, но из всех республик бывшего СССР проблема статуса русского языка, пожалуй, острее всего стоит на братской и близкой к русским по языку Украине. Это подтвердила и вторая Международная практическая конференция “Русский язык — язык межнационального общения” в Севастополе (23–24.03.2012), участником которой был автор. Выступления заместителя председателя Севастопольского горсовета А. С. Антоненкова, депутата Севастопольского горсовета от “Русского блока” Д. А. Белика, председателя Российской общины Севастополя Р. Ф. Телятниковой прямо противоречили недавнему заявлению президента Украины В. Януковича, что на Украине “языковой проблемы нет”. Не случайно в итоговой резолюции конференции содержалось требование придать русскому языку статус второго государственного, а не “языка межнационального общения” или так называемого “регионального”. И впрямь: ведь русский язык на Украине не какой-то технический “язык межнационального общения”, и не “региональный”, а *родной*, о чем пытаются заставить забыть народ Украины всевозможные “наши украинцы”, “руховцы”, “бютовцы” и “свободовцы”. А теперь еще и “пророссийский” президент Янукович к ним присоединился!

Вот какую реакцию вызвало в украинских интернет-изданиях мое выступление на конференции в Севастополе:

**“Секретарь Союза писателей России
не хочет вставать в позу индейца...”**

09:38 / 27.03.2012

Андрей Воронцов разродился изумительным пассажем в Севастополе.

Украинцы должны в преддверии выборов вытребовать у политиков предоставления больших прав для русского языка. Об этом заявил секретарь Союза писателей России Андрей Воронцов, выступая в Севастополе, сообщают региональные СМИ.

“Не кажется ли вам (это мой мягкий упрек), что мы иногда, обращаясь к властям ли Украины, к мировому сообществу или какому-нибудь другому мировому жулью, встаем в позу индейцев, просящих для своей резервации. Они обязаны это делать в целях самосохранения. Впереди выборы. Власти нужны ваши голоса”, — сказал Воронцов.

Но в экспертном сообществе Украины есть своя версия об истинной причине внезапной озабоченности статуса русского языка (так в тексте. — **А. В.**). Так, по мнению эксперта Центра структурной политологии “Выбор” Игоря Чичканя, подобные заявления звучат исключительно по причине близящихся выборов в Раду.

“Избирательная кампания в Украине всегда обостряла “вопрос русского языка”, потому как до сих пор у значительного количества украинских избирателей эта тема вызывает горячий отклик, причем как со знаком плюс, так и со знаком минус. Исключительно в этой причине мне видится и бесконечное поднятие на щит этого искусственного вопроса время от времени...” — отметил эксперт.

Напомним, ранее “Багнет” сообщал о том, что большинство украинцев выступают против второго государственного языка*.

Сергей Костеж
“Багнет”

Вы думаете, интернет-газета “Багнет” (то есть “Штык”) — это “оранжевое” издание? Ничуть не бывало — это проект Партии регионов. А смотрите-ка, заговорила языком “бютовцев”...

Еще во времена “толерантного” Кучмы, в 1996 году, украинское Общество “Просвита” имени Шевченко, возглавляемое неутомимым русофобом М. Мовчаном, вместе с Гостелерадио и министерством информации Украины организовало круглый стол “Государственный язык — в информационное пространство Украины”, на котором была выработана поразительная рекомендация кабинету министров: “Считать вещание и печатные издания на негосударственном языке показателем, который по своим негативным последствиям составляет угрозу национальной безопасности не меньшую, чем пропаганда насилия, разврата, а также различных форм антиукраинской пропаганды”. Другими словами, употребление “негосударственного языка” (какого, гадать не надо) в СМИ и книгоиздательстве предлагалось приравнять к уголовному преступлению!

Да здоровы ли были пан Мовчан и киевские чиновники психически? — первый вопрос, который приходит в голову. Ведь даже если подходить к вопросу с чисто практической стороны, отбросив соображения насчет многовекового братства, то без русского языка, хочешь — не хочешь, не могут обойтись миллионы украинских “челноков” и гастарбайтеров, приезжающих в Россию на заработки! И что же вы думаете — Кучма, обещавший до избрания президентом (как и ранее Кравчук, а позднее Янукович) сделать русский язык вторым государственным, пожурил зарвавшихся ксенофобов? Ничуть не бывало: автор книги “Украина — не Россия”, ознакомившись с рекомендациями круглого стола, дал аж 12 поручений Кабмину о “контроле за внедрением украинского языка”.

Каков же результат сей державной заботы? По сообщению киевского корреспондента радио “Вести-FM” В. Синельникова, в программе украинской школы отсутствуют произведения всемирно признанных писателей, родившихся на Украине и прославивших ее своими книгами — Николая Васильевича Гоголя и Михаила Афанасьевича Булгакова. Украинские издательства не выпускают их книг (кроме чудовищного перевода “Тараса Бульбы”, в котором слово “русский” везде заменено на “украинский”), а театры не ставят их пьес. Что же касается украинских писателей-националистов, то они порой вспоминают о Гоголе, но исключительно в подтверждение тезиса, от коего за версту несет черной завистью: мол, вся так называемая великая русская литература создана инородцами (украинцем Гоголем, “негром” Пушкиным, татаринном Карамзиным, “литвином” Достоевским и т. п.).

* Типичное “свидомое” вранье: “кликнув” выделенную ссылочку, я узнал, что данное утверждение не опирается ни на какой конкретный опрос. Там сказано: “По данным исследований 2011 года (каких? — **А. В.**), количество сторонников этой идеи снизилось до 41,6%”. А вот настоящий опрос, проведенный украинской социологической службой “Рейтинг” непосредственно перед конференцией, 13.03.2012, показал, что 46% украинцев выступают за государственный статус русского языка и 45% — против. Поскольку в соцопросах практически не бывает разницы в 1% (это, что называется, статистическая погрешность), то весьма вероятно, что цифру в 45% “против” социологи “Рейтинга” “натянули”. — **А. В.**

Может быть, украинские “письменники” замалчивают творчество Гоголя в отместку за то, что тот писал по-русски? Но ведь на большей части Украины (исключая Западную) редко встретишь в продаже книги на “державной мове”. Где обещанное много лет назад академическое собрание сочинений Тараса Шевченко? Зато книжный рынок завален скороспелой стряпней по-русски: Донцова, Маринина, Акунин, Абдуллаев – несть им числа... Получается, они лучше Гоголя и Булгакова, что ли? Абсурд!

На самом деле, я полагаю, “самостийникам” глубоко безразлично, что украинский язык не получает настоящего культурного развития. Им, жадно полюбившим западные гранты, невыносима сама мысль о “русском товариществе”, воспетом Гоголем, – нерушимом братстве двух великих ветвей некогда единого народа. Последние слова Тараса Бульбы: “Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера. Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..” – заставляет их корчиться, как бесноватых при кроплении святой водой.

Они сочинили легендочку, что слова эти Гоголь написал в угоду Николаю I, чтобы цензура пропустила “Тараса”. Подлая ложь! Гоголь, в отличие от Пушкина и Лермонтова, имел не так много проблем с цензурой. Речь идет об искреннем, глубоко выстраданном убеждении писателя, изложенном почти теми же словами в финале первого тома “Мертвых душ”: “Русь, куда несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются; гремит и становится ветром разорванный в клочки воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства”.

Это тоже, что ли, написано в угоду цензуре? А кому в угоду покончил с собой внучатый племянник Гоголя Александр Николаевич Быков, отказавшийся принимать присягу Временному правительству после отречения Николая II?

Конечно, “письменники”-руссофобы – это еще не вся Украина. Многие украинцы, офицеры Краснознаменного Черноморского флота, в 1992–1997 годах не принимали украинской присяги, не желая способствовать развалу тогда еще единого флота. Первый министр обороны “незалежной” Украины генерал-полковник Морозов (теперь он Мороз), русский по национальности, но отчаянный украинец по карьерной надобности, посетил однажды Черноморский флот. Ходил по кораблям, так и не спустившим флаг ВМФ СССР, знакомился с командирами. Фамилии у них были всё больше украинские: Авраменко, Демиденко, Ковшарь... “Где же у вас русские?” – с иронией спросил Морозов. “А русские, товарищ генерал-полковник, – не задумываясь, отвечал ему с еще большей иронией контр-адмирал Ковшарь, – у вас!”. Он, прежде всего, имел в виду бывших командующих ВМС Украины Кожина и Бескоровайного, русских, как и Морозов. Приспособленцы не имеют национальности, но могут прикинуться ярыми патриотами там, где их сытнее кормят. Такова шукурная, интернациональная, антиукраинская и антирусская подоплёка феномена под названием “украинский сепаратизм”. Как тут не вспомнить эпизод из “Белой гвардии” Булгакова: “Николка Турбин однажды улыбнулся, войдя в комнату Тальберга. Тот сидел и писал на большом листе бумаги какие-то грамматические упражнения, а перед ним лежала тоненькая, отпечатанная на дешевой серой бумаге книжонка: “Игнатий Перпилло – Украинская грамматика”.

Всё так и поныне в “Украинской державе”, даже под властью Януковича – сплошной “Игнатий Перпилло”! В Крыму вся щитовая реклама – на украинском языке, хотя украинцев там кот наплакал. Вероятно, где-то реклама и впрямь выступает как двигатель торговли, а где-то – только как средство украинизации. Правда, исполнители этой акции подобрались не очень радивые. Из рекламы трудно понять, как правильно пишутся многие слова. Например, как будет по-украински “качество” в именительном падеже – “якість” или “якость”? “Перемогати” (побеждать) или “перемагати”? Пишут и так, и эдак...

Наблюдательнейший Булгаков верно подметил в очерке “Киев-город” слабую структурированность украинского языка (виной которой, конечно, его молодость – ведь еще во времена Переяславской рады в Малороссии говорили на наречии, без сомнения, являвшемся диалектом русского языка): “Нужно, наконец, условиться, как будет называться то место, где стригут и бреют граждан: “голярня”, “перукарня”, “цирюльня” или просто-напросто “парикмахерская”. Мне кажется, что из четырех слов – “молошна”, “молочна”, “молочарня” и “мо-

лошная” – самым подходящим будет пятое – “молочная”. Если я заблуждаюсь в этом случае, то в основном я все-таки прав: можно установить единообразие. По-украински, так по-украински. Но правильно и всюду одинаково”.

А ведь в русском языке подобная работа была уже проведена в XVIII–XX веках! Не потому ли почти всякий украинский деятель, когда ему нужно высказать нечто важное и не терпящее двойного толкования, неизменно переходит на русский? Так, может, надо не изгонять братский язык из Украины, а изучать законы его развития, чтобы не придумывать нелепых и смешных слов типа: “хмарочес” (небоскреб), “відсотка” (процент), “слухавка” (телефонная трубка), “пихнознатець” (гинеколог), “самовисуванець” (самовыдвиженец) и т. п.? Жители центральной Украины переглядываются и чешут в затылках, слушая киевских телеведущих: “Що це за мова?”. Я сам наполовину украинец, неплохо понимаю и читаю по-украински, но не могу отделаться от впечатления, что современный официальный украинский – это какая-то ёрническая пародия на звучный, колоритный язык замечательных малороссийских народных песен “Ой, на горі та жниці жнуть” или “Іхав козак на війноньку”.

Когда я напечатал статью на эту тему “Гоголь, Украина и Россия” в “Литературной газете” (№ 10 за 2007 год), она вызвала оживленную и продолжительную дискуссию на интернет-форуме “ЛГ”. Меня порадовал ее уровень, весьма высокий по сравнению с аналогичными обсуждениями на украинских форумах (например, газеты “Украинская правда”).

Правда, я считаю необходимым отметить, что и мои сторонники, и мои оппоненты не приняли, похоже, в расчет одну из главных мыслей статьи: что Украине необходимо официальное двуязычие. Каковы бы ни были причины и обстоятельства возникновения украинского языка, я искренне считаю его удаление из жизни Украины невозможным и нежелательным. Но столь же невозможным и нежелательным я считаю удаление русского языка из украинской жизни.

Приверженцы идеи “Украина – не Россия” всегда напоминали мне детей, с серьезным видом играющих во взрослую игру, смысл которой они не всегда понимают. Вот **Люся Снежок** из Воронежа – видимо, этническая украинка. “Жители Центральной Украины переглядываются и чешут в затылках, слушая киевских телеведущих: “Що це за мова?” – цитирует она меня и отвечает: “Вся беда в том, что большинство жителей Центральной Украины, да и Киева тож, говорит на хохлячем суржике, а литературного украинского просто не знает. Сама неоднократно была свидетелем того, как “чистокровные” украинцы говорят “конхвэта” (правильно “цукерка”), “больныця” (“лікарня”), “неділя” в смысле “неделя” (правильно – “тиждень”, а “неділя” – это воскресенье). Так что чем репу чесать, язык бы лучше учили”.

Но какой именно литературный язык не очень вежливо призывает учить Л. Снежок “чистокровных” украинцев? (Видимо, она их не считает таковыми, отсюда и кавычки.) Язык основателя украинской литературы Тараса Шевченко? Так он писал на том же “хохлячем”, по выражению Л. Снежок, суржике. Возьмем самое известное сегодня четверостишие Тараса Григорьевича, поскольку оно напечатано на стогривенных банкнотах: “Свою Україну любіть, / Любіть її... Во время люте, / В остатню тяжкую минуту / За неї Господа моліть”. Разберем его методом Люси Снежок, щелкающей “по репе” своим, как я понимаю, землякам. Шевченко пишет “во время” (тогда как на современном украинском правильно “у час”), “в остатню тяжкую минуту” (надо – “в остатню тяжку хвилину”), “Господа” (вместо “Панове”), “моліть” (а не “благаєте”). Семь ошибок в четырех строчках! “Единица”, Тарас Григорьевич! Язык бы лучше учили! Теперь проведем компьютерный эксперимент: введём это четверостишие в электронный украино-русский словарь и нажмем кнопку “Перекласти”. “Результат “перекладу”: “Свою Украину любите, / Любите её... Во время свирепое, / В остатню тяжкую минуту / За неё Господа молитесь”.

Так на каком же языке или наречии написал эти стихи Шевченко? Даю ответ на основании чистой логики и здравого смысла: поскольку оригинал на 70 процентов совпадает с русским переводом, и на 60 процентов *не совпадает* с обратным его переводом на современный украинский язык, то данное четверостишие написано на *малороссийском диалекте (наречии) русского языка*. А Люся Снежок и читатели могут делать свои выводы.

В ходе дальнейшей дискуссии случайно возникла интереснейшая тема. Посетитель форума с экзотическим псевдонимом **Luger Max Otto** из Таганро-

га (украинофил) вдруг задался вопросом: “Кстати, на каком языке писал Сковорода?”. **Лена М.** (указывающая свой адрес по старинке – Ленинград): “Ха-а-ароший вопрос!”. **Лугер Макс Отто:** “...известные мне его сентенции явно перетолмачены на современный русский”. **Algol** (адрес не указан): “Сковорода на разных языках писал. (...) А какой основной язык, из текстов ясно: (...) “А несмысленный галат, находясь в чести у своих граждан, неусыпным снадается червием о том, что он не сенатор, а хотя и сенатор, но не из первых; хотя же из первых, но не председатель; пусть и председатель, но не так славен, как прежний...”. **Лена М.:** “Это ж русский язык XVIII века??? Думается, это переклад на современный русский...” **Алгол:** “В старом издании (“Вопросы философии”) язык явно не украинский...”

Вот справка, полученная мною от компетентного человека (писателя Ю. М. Лощица, украинца, автора книги “Сковорода” в ЖЗЛ): Григорий Саввич Сковорода за всю жизнь не написал *ни строчки* на языке, называемом ныне “мойой”. А те его труды, что печатаются сейчас на украинском, являются переводом с русского – без указания переводчика.

Я думаю, любознательным Лене М. и Алголу стоит также выяснить: а на каком языке написаны украинские летописи и книги XVI–XVII вв.? На Украине на этот вопрос ответ не получишь, как и на тот, на каком языке писал Сковорода. А было бы интересно! Вот, например, цитата из киевского “Летописца”, 1577 год: “Гетман был славный козак Подкова; сей произведен на господарство Волоское, но потом ляхи, з наущения волохов, Подкове помянутому голову усекли во Львове; тело же его козаки в Каневском монастыре погребли”. А вот оглавление Острожского издания 1598 г. “Книжица в 10 разделах”: “Первое. Свидетельства вкратце собранные от Божественных писаний, и святых богословцев, и вселенских учителей. Об исхождении Святаго и Животворящего Духа от Единого Отца, яко от начала искорени Божества, от Него же Сын родися, и Дух происходит”. На каком языке это написано? Ясно, на каком: на литературном языке Западной Руси того времени – *русском!* Причем “москали” к изданию этих книг никакого отношения не имели.

Наконец, именно на Украине, в Киево-Печерской лавре, был создан архимандритом Иннокентием (Гизелем) первый учебник русской истории “Синописис” (1674), по которому учились в школах Российской империи вплоть до начала XIX века, причем без всякого перевода! И в этом “Синописисе” утверждалось, что малороссияне, белорусы и великороссы – один народ!

В изданной в Донецке в 2005 г. книге Юрия Фролова “Русские и украинцы: тысячу лет вместе” убедительно доказано, что русский литературный язык – это язык не одних великороссов, но также украинцев и белорусов. Фролов снова вводит в исторический и культурный оборот понятие “общерусский язык”, активно применявшееся в XIX в. Причем автор показывает, что “общерусский язык” формировался при значительном участии духовных писателей из Малороссии (существовало даже понятие “южно-среднерусское наречие”), а следовательно, появление в русской литературе Гоголя было вполне естественным делом.

В свою очередь, и белорусское наречие участвовало в формировании общерусского языка. Некоторые современные белорусские авторы считают, что переселение белорусов в Москву и Подмосковье в XVII веке было массовым явлением и что белорусы даже повлияли на формирование того типа русского человека, который мы называем москвичом. Так, доктор философских наук Лев Криштапович из Минска пишет: “В течение XVII–XVIII переселение белорусов и украинцев к востоку за Днепр носило непрерывный характер.

...Белорусы принесли в Россию новое слово – мещане. В 1679 году за Сретенскими воротами в Москве для них была построена Мещанская слобода, и мещане были взяты в ведомство Малороссийского приказа.

Существует точка зрения, что белорусские мещане во многом определили формирование московского говора с характерным для него аканьем, который лег в основание великорусского литературного языка” (“Наш современник”, 2010, № 12).

Мне доводилось сталкиваться с примерами, подтверждающими слова Криштаповича. Работая над книгой об истории древнего подмосковного храма Благовещения в Павловской Слободе, я обнаружил данные о белорусских переселенцах времен русско-польской войны 1654–1667 годов. Вернувшись с войны, 14 мая 1657 года боярин Борис Иванович Морозов бил челом царю

Алексею Михайловичу: “Государева жалования вотчины у него в Московском и Звенигородском уезде село Павловское с деревнями, и в те де свои вотчины призвал белорусцев крестьян и ссуду им дал”. Не будем слишком доверять обтекаемому выражению Бориса Ивановича “призвал”: зная обычаи того времени, можно предположить, что более 1000 крестьян из Белоруссии, несмотря на предоставленную ссуду, поехали в Подмоскovie не совсем добровольно. Морозов просил царя, что называется, “узаконить” добычу: “тех его крестьян с женами и братьями, и детьми переписать в рожей и приметы, и написать в книге за ним”.

Благодаря этой переписи мы знаем, сколько “белорусцев” поселилось в Павловской вотчине Морозова: в Веледникове – 85 человек, в самом Павловском – 77, в Новинках – 55, в Зеленкове – 51, в Лешкове – 50, в Исакове – 21, в Лобанове – 13. Для сильно обезлюдевших в ходе Смуты местных земель это был весьма значительный прирост населения. Новинки, например, были заселены приезжими заново. По описи 1667 года, “панские”, “литовские” люди составляли около трети крестьян Павловской вотчины. А ведь еще шесть с половиной сотен белорусов отправились в Звенигородскую вотчину Морозова! Если, как утверждают белорусские исследователи, так происходило по всему Подмоскovie и по всей Москве, то приезжие белорусы действительно могли “во многом определить формирование московского говора с характерным для него аканьем”. Кстати, прямым потомком белорусских переселенцев XVII в. был уроженец Павловской Слободы, один из первых русских композиторов и драматургов Михаил Алексеевич Матинский (1750–1820?).

Возвращаясь к Украине, скажем, что достаточно даже поверхностного знания украинского языка, чтобы видеть, как малороссийское (южнорусское) наречие XVII–XVIII вв. участвовало в создании общерусского литературного языка, окончательно сформировавшегося во второй половине XIX в. Об этом говорит количество так называемых непрямы́х заимствований в общерусском языке из малорусского. Например, в современном русском языке нет украинского слова “уряд” в значении “власть”, зато есть (точнее, было) слово “урядник”; нет слова “кут” в значении “угол”, но есть слово “закут”; нет слова “громада” в значении “мир”, “общество”, но есть слово “громадный”; нет слова “хмара” в значении “туча”, но есть слово “хмурый”; нет слова “кошт” в значении “состояние”, но есть слово “кошелек”; нет слова “яловичина” в значении “говядина”, но есть слово “яловый”; нет слова “будинок” в значении “дом”, но есть слово “будка”; нет слова “хіжа” в значении “жилище”, но есть слово “хижина”; нет слова “боротьба”, но есть слово “борьба”, нет слова “чекати” в значении “ждать”, но есть слово “начеку”; нет слова “корись” в значении “польза”, но есть слово “корысть” в значении “алчность”. И таких примеров – тысячи, просто их никто толком не исследовал!

Ну а как же украинская литература? Она ведь и до возникновения львовской “Просвиты” существовала. Здесь надо помнить, что первые известные произведения на украинской “мове”, вроде “Натальи-Полтавки” (1819 г.) Ивана Котляревского, написаны для простого народа – и, соответственно, *не литературным, а простонародным, разговорным языком* – таким же, каким написано “Письмо запорожцев турецкому султану”. Для кузнеца Вакулы из “Ночи перед Рождеством” Гоголя русский язык – это “грамотный язык”, а малорусский – “грубое, мужицкое наречие”: “...кузнец удивился, слыша, что этот запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием”. А делать из языка “Натальи-Полтавки” литературный – это всё равно, как если бы мы объявили литературным язык русских народных пьес “Царь Максимилиан” и “Петрушка”.

Но если это всё же случилось? Хорошо это или плохо? Я лично не вижу ничего плохого в том, если бы у нас в России создавались литературные произведения на разговорном языке или диалектах. Да они и создавались – Лесковым, Решетниковым, Шергиным, ныне – Личутиным. И русский язык от этого только обогащался. Безусловно, обогащает его и существование украинского языка – творчество Гоголя тому убедительное подтверждение. Но ведь тот же Личутин, с которым мы много спорили по проблемам языка прозы, едва ли бы стал заявлять, что для поморов русский литературный язык – иностранный. А вот гг. Ющенко и Тягнибок запросто считают язык, на котором сами украинцы писали в XVI–XIX веках (и продолжают это делать

и поныне), *иностранным*. Я лично слышал, как Ющенко заявлял по ТВ: чому, дескать, укра нці повинни робити російську мову другою державною, якщо цього не роблять ні чехи, ні словаки?

Но у чехов и словаков не было родной литературы на русском языке, а на Украине – была!

“Сложности понимания и самоидентификации украинцев понять можно, – пишет на форуме “ЛГ” **Navigator** (адрес не указан). – Это от исторической безграмотности населения. Можно поставить в тупик любого украинского “национал-патриота”, задав ему простой вопрос: “Если твои предки киевляне, которых крестил Владимир, называли себя русскими, то кто же есть ты?”

Да нет, “выход из тупика” уже найден: украинцам рекомендовано отвечать, что их предки называли себя не русскими, а *руськими*. Словно анекдот о *пыве*, ей-Богу...

Еще одна дискуссия по поводу моих размышлений о России и Украине состоялась в “Живом Журнале”. Блогер Скурлатов (Skurlatov) пишет: “Андрей Венедиктович Воронцов существенно прояснил ситуацию с взаимоотношением русского и украинского языков в статье “Українська “матриця”: перезагрузка” (“Литературная газета”, 27 июня – 3 июля 2007, № 26/6126/). Не вдаваясь в тонкости этногенеза, обращаю внимание на нечто суперэтническое или “ментально-цивилизационное”, которое объединяет великороссов, малороссов и белороссов. Связываю это “общерусское” с некой общей языковой субстанцией, которая наиболее явно проявляется в литературном русском языке, но явно и неявно присутствует в многочисленных славяно-русских наречиях и диалектах. Литературный русский язык пророс из этих многочисленных корешков, но каждый из его источников способен жить самостоятельной жизнью и употребляться в быту и часто в письме. Например, по своему локально-этническому происхождению я являюсь вачкасом, то есть представителем особой этнокультурной общности вокруг города Вача в Нижегородской губернии. Несомненно, вачкасы, как и ряд других локальных русских субэтносов, вобрали в себя различные этнические составляющие – славянские, угро-финские, тюркские. Когда ко мне в гости приезжают родственники из отчего вачкасского села Тюрбенево или из соседнего Медоварцево, то они говорят не на русском литературном языке, а на вачкасском. В детстве я его хорошо понимал, а сейчас с трудом. Он отличается от московского не меньше, чем украинский, хотя среди украинцев бытуют тоже разные диалекты. А что касается Украины и Беларуси, то мне пришлось в детстве пожить на Днестре и Буге, и никакого ощущения “чуждости” не было и в помине. Всегда считал белороссов и украинцев такими же “своими”, как и вачкасов.

В школе увлекался Тарасом Григорьевичем Шевченко. Его судьба поразила меня. Его стихи сами собой запоминались наизусть. Короче, он для меня стал родным, и у меня под рукой – несколько различных его собраний сочинений. Когда в советские времена ездил по украинской глухомани и заходил в магазины, видел книги Шевченко на украинском языке, их мало кто покупал, ибо предпочитали читать более понятные русские тексты. Я же больше любил читать стихи в том виде, в каком они были записаны, излившись из души поэта.

Язык Тараса Шевченко внес свои штрихи и нюансы в общерусский литературный язык. Смысловые оттенки русского языка высвечиваются звукописью украинского языкотворца, и мой вачкасский говор тоже помогает лучше овладеть языковой нормой. Не буду много рассуждать на эту тему, отмечу лишь, что благодаря ряду исторических обстоятельств родилось “лингвистическое” чудо – наш нынешний русский язык.

В юности прочел в Ленинке книгу какого-то еврейского автора конца XIX века, в которой сравнивалась “сила” различных языков, в частности древнееврейского, немецкого и русского. Сопоставлялись переводы еврейской Торы на русский, немецкий, английский, французский. Вывод мне крепко запомнился – на ряде конкретных примеров автор убедительно доказывает, что именно русский язык является самым “сильным”, потому что позволяет передавать самые тонкие смысловые штрихи еврейской Библии, тогда как ни английский, ни французский, ни даже немецкий на это не способны. Важно также отметить, что потенциал русского языка еще не исчерпан, он способен к дальнейшему развитию и в принципе мог бы претендовать на “всемирный” статус вместо более “слабосильного” английского.

На моем вачкасском тоже можно писать стихи и пьесы и романы. Но зачем изобретать велосипед? Мои вачкасские предки, как и предки украинцев, вложили свои особенности в плавильный котел русского литературного языка и обрели на выходе почти идеальный “дом бытия”. Иногда полезно из просторного и ясного дома спуститься в диалектный подвал и найти там редкостный оборот, удачную этимологическую ступеньку в арийскую первозданность. Абсолютизировать же особость в ущерб уже откристаллизовавшейся всеобщности – то же самое, как пытаться на “Запорожье” обогнать “Супермерседес”.

Что говорить, прав Скурлатов: идеология украинского сепаратизма и его практика до боли напоминают виртуальную реальность, созданную машинами для людей в кинофильме “Матрица”. Людям показывают глянцевые сны, чтобы превратить их в рабов. Но система то и дело начинает давать сбои... Временами искажается “картинка”, а то и вовсе исчезает, и тогда в черной пустоте шевелится что-то страшное. Люди начинают понимать – их обманывают. “Оранжевая революция”, задуманная “всерьез и надолго”, провалилась. Правда, как и в фильме “Матрица”, сочится из всех щелей, в том числе и из “мировой паутины”.

А что же пресловутое общество “Просвита”, которое вроде бы должно бороться за чистоту украинского языка в электронных СМИ, – например, от полонизмов и американизмов? Оно по-прежнему буквально изнемогает в борьбе с “пропагандой насилия и разврата” в виде употребления русского языка. Результат уже есть: раньше американские фильмы с этим самым насилием и развратом показывались по ТВ в русском переводе, а теперь – в украинском.

Увы, у авторов этой идеи, украинских “письменников”, собственные творческие успехи не столь значительны. Да, есть по-советски крепкий Национальный союз писателей Украины, объединяющий около трех тысяч человек, большинство из которых пишет по-украински. Но где же современная украинская литература? Известно ли нам хотя бы одно выдающееся произведение на украинском языке после 1991 года? Наиболее успешными писателями Украины считаются Андрей Курков и фантасты Марина и Сергей Дяченко, пишущие на русском, “составляющем угрозу национальной безопасности” языке. В чем же дело? Может быть, в том, что на Украине часть населения хоть и говорит по-украински, но мало кто по-украински читает? Тогда почему мало читают? Ведь внедряли-внедряли “державную мову” – и Кравчук, и Кучма, и Ющенко...

Еще в 1851 году на эти вопросы ответил... Гоголь, но слова его замалчивали даже в советское время, видимо, усматривая в них “панславизм” или “великорусский шовинизм”.

За 4 месяца до смерти Николая Васильевича его посетили в Москве два земляка: профессор Осип Максимович Бодянский и начинающий писатель, в ту пору чиновник министерства народного просвещения Григорий Петрович Данилевский. Бодянский являлся как бы прообразом нынешних украинских “письменников”-националистов. Он первым из них подверг сомнению подлинность “Слова о полку Игореве”: потому, очевидно, что язык “Слова” больше походит на русский, чем на украинский. (Кстати, если у нас в школе синхронно изучают и оригинальный текст “Слова”, и перевод его на русский язык, то на Украине – только украинский перевод.)

Гоголь в беседе с Бодянским и Данилевским очень хвалил поэзию Аполлона Майкова. “А Шевченко?” – спросил Бодянский. Гоголь на этот вопрос с секунду промолчал и нахохлился... “Как вы его находите?” – повторил Бодянский. – “Хорошо, что и говорить, – ответил Гоголь: – только не обидьтесь, друг мой... вы – его поклонник, а его личная судьба достойна всякого участия и сожаления...” – “Но зачем вы примешиваете сюда личную судьбу? – с неудовольствием возразил Бодянский; – это постороннее. Скажите о таланте, о его поэзии...” – “Дёгтю много, – негромко, но прямо проговорил Гоголь; – и даже прибавлю, дёгтю больше, чем самой поэзии. Нам-то с вами, как малороссам, это, пожалуй, и приятно, но не у всех носы, как наши. Да и язык...” Бодянский не выдержал, стал возражать и разгорячился. Гоголь отвечал ему спокойно. “Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски, – сказал он, – надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святая – язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан, католиков, лютеран и гернгутеров. А вы хотите провансальского поэта Жасмена поставить в уровень с Мольером

и Шатобрианом!” – “Да какой же это Жасмен! – крикнул Бодянский. – Разве их можно равнять? Что вы? Вы же сами малоросс!” – “Нам, малороссам и русским, нужна одна поэзия, спокойная и сильная, – продолжал Гоголь (...), – нетленная поэзия правды, добра и красоты... Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной в ущерб другой – невозможно...” (Данилевский Г. П. Знакомство с Гоголем).

Какая ясность, глубина, логичность мысли! Как эти слова мало соотносятся с досужими сплетнями о “ненормальности” Гоголя в последние годы жизни! Гоголь был слишком неудобен многим недоброжелателям России – отсюда и “ненормальность”. Вот, кстати, Бодянский – как он себя повел после блестящего монолога Гоголя о русском языке? Хотя Гоголь вовсе не тяготился посетителями, говорил с ними увлеченно и долго, Бодянский отреагировал так: “Ну, мы вам мешаем, пора нам и по домам!”, а уже на бульваре сказал Данилевскому: “Вот уж, видно, не с той ноги сегодня встал”.

Да с той ноги встал Гоголь, с той! Это вы уже второй век не на ту ножку хромаете! В дореволюционное, да и в советское время русский язык был для восточных славян тем, чем является “хохдойч” для немцев с их многочисленными диалектами. Возможно ли появление в современной Германии значительного произведения на баварском диалекте? Вопрос даже не требует ответа, настолько он бессмыслен. Но интересно другое: возможно ли появление такого произведения в самой Баварии? Едва ли: после создания Лютером “хохдойча” выдающихся литературных произведений на диалектах в Германии не писалось, и понятно, почему – это было бы идейным возвращением в средневековье, к германской раздробленности. А вернуться после Гоголя к моноязычной украинской литературе означало бы примерно то же самое, что вернуться от Христа к ветхозаветным пророкам.

Я это пишу не как сторонний для Украины человек: повторяю, я сам наполовину украинец и даже сочиняю на досуге сатирические стихи на украинском языке. Вот, извольте:

Відповідь¹ Бога

*Як прийшов хохол до Бога
І просив Його: “Владико!
Дай мені Ти допомогу,
Щоб я зараз став великий!*

*Щоб всі мене шанували²,
Щоб ні лях або кацап
Наді мної не панували,
І не був нічий я раб.*

*Ще бажаю³ нафти, газу,
Злата, сала, марципан!
І, якщо⁴ можливо, разом,
А не дрібно по частям”.*

*Каже Бог: “Твоє бажання
Я вже виконав⁵ давно –
Ще при гетьманстві Богдана!
А ти знову: “Дай майно⁶!”*

*Я давав кошти всім руським –
Не кацапам, не хохлам
І не якимсь білорусам!
Станеш руським – тоді дам!”.*

¹ Ответ (укр.).

² Уважали (укр.).

³ Желая (укр.).

⁴ Если (укр.).

⁵ Исполнил (укр.).

⁶ Здесь: богатство, имущество (укр.).

Это стихотворение я прочел на пленарном заседании конференции в Севастополе, и оно вызвало горячие аплодисменты публики, несказанно польстившие мне, прозаику, а газета "Российская община Севастополя" даже предложила мне напечатать его на первой полосе. Но... при всем своем авторском самолюбии и при всем уважении к украинскому языку я должен сказать, что такие стихи, а равно и прозу я могу писать километрами, причем "не включая голову", но серьезные вещи, конечно, предпочту писать на общерусском языке. Потому что он именно для этого нашими предками, создавшими его (в том числе малороссами и белорусами), и предназначен — для серьезных вещей. Для великой литературы. Прав Гоголь! Никакой литературный подъем на Украине невозможен, если он будет основан на отторжении от литературы, созданной на общерусском литературном языке, о чем предупреждали украинских писателей и Блок, и Горький, и Михаил Булгаков. Противостоит естественно выстраивать "сепаратную линию" современной украинской литературы — от Тараса Шевченко, Степана Руданского, Ивана Франко, Михаила Коцюбинского, Леси Украинки, — сделав вид, что общерусская литература, созданная на языке, впитавшем все достоинства восточнославянских наречий (в том числе, благодаря Гоголю и Шевченко), украинцев не касается. Это все равно что взять и сказать: Чичиков — не наш, он персонаж иностранной литературы. И киевляне Турбины, и герои киевлянина Лескова — тоже. Между тем, подавляющее большинство произведений русских классиков создавалось в те времена, когда украинцы считали себя ветвью единого русского народа! Пушкин даже не выделял их в своем "Памятнике", назвав "гордым внуком славян" и малоросса, и белоруса, и великоросса. А теперь прикажете "украинскому правнуку" отказаться от идей и образов нашей общей литературы? Это не что иное, как духовная кастрация украинского народа, другого выражения не подберу. Потому что Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Лев Толстой, Достоевский, Чехов — часть культурного сознания украинцев, пока еще способных читать книги русских классиков без посредников, на языке оригинала.

Только равное, без культурной экспансии, существование на Украине двух обогащающих друг друга языков, двух литературных традиций в рамках единой украинско-русской литературы способно обеспечить ее подъем, как это было в XIX и в начале XX века.

Но мы хорошо знаем, что Гоголя волновала не только литературная сторона проблемы единства русских и малороссов. "Знаю, подло теперь завелось на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конские табуны их, да были целы в погребях запечатанные меды их", — говорил языком библейского пророка о земляках-предателях Тарас Бульба. (Как будто о "наших украинцах", "руховцах", "бютовцах" и "свободовцах" сказано!) И пили козаки за слова Тараса, за настоящих русских товарищей, которые не предадут "свой своего", как "бездушную тварь на торговом рынке". Увы, предали, в решающий момент ушли и оставили своего атамана с малыми силами... Словно сквозь века глядел Гоголь... Петру Безродному из "Ночи накануне Ивана Купалы" ведьма пообещала золотой клад, а украинцам — золотые горы после вступления в НАТО и Евросоюз. "Нет, не видать тебе золота, покамест не достанешь крови человеческой!" — сказала ведьма и подвела к нему дитя лет шести, накрытое белою простынею, показывая знаком, чтобы он отсек ему голову".

Это дитя — Украина. Не надо рубить ей голову!